

ГЛАВА 16. УВИДЕТЬ ТУШЬ — ВСЁ РАВНО ЧТО УВИДЕТЬ ЛИЦО

Уди спросил Умина, слышал ли тот о Сяо Цзиньши, личном ученике главы школы Удан, мастера Е.

Умин же грешил лишь о славе «Великого равновесия Сюаньшу». Получив желаемое знание, он более не желал тратить время на пустую болтовню и, натягивая сапоги, лишь молча покачал головой.

— Старший брат, не спеши уходить, — Уди ловко перехватил дегтярный сапог, который тот не успел обуть. — Дай мне договорить. Тебе придётся признать: в этом ты мне уступаешь. Ты слишком высокого мнения о себе. На людей и события, которыми ты пренебрегаешь, я смотрю внимательно и знаю о них всё!

Умин мгновенно причислил и самого Уди к списку вещей, недостойных его внимания. Он вырвал сапог из рук брата и, развернувшись, скрылся в каюте.

Уди лишь ткнул пальцем ему в спину:

— Хорошо же! Сам не захотел слушать — потом не жалеешь.

—...Вернулся? — Чжуан Шаогун как раз писал письмо домой. Увидев вошедшего Умина, он замер. На столе лежали листы бумаги с ещё не просохшей тушью; спрятать их было неловко, а оставить — того хуже. Помедлив, он отложил кисть и, выпрямившись, чинно кивнул юноше.

Умин одарил его косым взглядом, нашёл свободный угол и сел, скрестив ноги. Он закрыл глаза, переплетя пальцы в особом замке, прижимая большой палец к суставу мизинца.

Тесная каюта сковывала их двоих. За деревянными бортами плескалась речная вода, и этот звук вторил беспокойному ритму сердца Шаогуну.

Казалось бы, они и прежде делили пространство кареты, и ничего не изменилось. Но теперь, когда Шаогун заглянул в собственную душу, всё вокруг пропиталось неловкостью.

Внезапно он вспомнил, что болезнь Умина — чахотка — была следствием чрезмерной распухлости. Подыскивая повод нарушить тишину, он заговорил:

— Умин, в «Чжоуских ритуалах» сказано: «В срединный месяц весны должно соединять мужчин и женщин. В это время не возбраняется бегство влюблённых». Из этого ясно, что слияние инь и ян, следующее велению небес — не грех. Однако во всём должно знать меру. У

тебя есть в сердце возлюбленная, но ты не отказываешь ни одной красавице. Разве это не означает — губить и бросать их?

Не успев договорить, Шаогун пожалел о сказанном. «Пропади всё пропадом, — подумал он, — почему я вечно лезу к нему с поучениями?»

Он резко сменил тон:

— Теперь, когда прибыл Уди, тебе не нужно больше так утруждаться...

— Я практикую, — холодно перебил его Умин.

Шаогун посмотрел на него. Поза, в которой замер юноша, отличалась от его привычного сонного оцепенения. Этот молодой мастер никогда не предупреждал других о своих тренировках. То, что сейчас он нарочито бросил эту фразу дилетанту, явно имело скрытый смысл. Шаогун осторожно придвинулся ближе:

— Что за техника? Это... не опасно?

Умин открыл глаза и одарил его коротким взглядом, в котором читалось некое тайное затруднение.

Шаогуну показалось, что он понял. Решив, что Умин практикует «Пять признаков увядания небесного существа», и помня о вреде этой техники, он с беспокойством произнёс:

— Право, не знаю, зачем существуют такие искусства, что калечат и других, и самого мастера... Ты и так болен, не стоит продолжать. Вернёмся домой, и я всё объясню отц...

Умин вскинул палец, прижимая его к губам Шаогуна. Приказ молчать был яснее некуда.

До Чжуан Шаогуна наконец дошло: его просто сочли невыносимо болтливым. Он понуро вышел за ширму и сделал несколько нетвёрдых шагов к корме.

Ощущение от прикосновения пальца всё ещё дрожало на его губах.

Как истинный благородный муж, Чжуан Шаогун старался сохранять спокойствие, но сердце колотилось в груди, словно обезумевшее.

Где-то он читал притчу: один человек, мечтая разбогатеть, раздобыл карту сокровищ и исходил в их поисках все горы и реки мира. И лишь в конце пути обнаружил, что клад был зарыт под деревом в его собственном саду.

Он, Шаогун, проделал путь в тысячи ли до Цзиньлина, чтобы участвовать в состязании за руку невесты. Не уподобился ли он тому глупцу, ища счастье вдали, когда оно было под рукой?

Однако любовь рождается неведомо когда, а когда рождается — приносит лишь робость и странное чувство собственной нечистоты.

Уди, наблюдавший за ним какое-то время, подошёл и поддержал погружённого в думы господина под локоть:

— Молодой господин, ночной ветер холоден. Идёмте, выпейте чашу рыбного супа, согрейтесь.

Шаогун, пребывая в полном смятении, покорно последовал за ним. Когда с ужином было покончено, на реку опустилась непроглядная ночь.

Ни единой звезды в вышине. Не разобрать, где небо, а где вода — всё слилось в первозданный хаос. Умин занял спальное место в кормовой части для своей практики, поэтому Шаогуну и Уди пришлось устроиться в средней каюте. Уложив непутевого господина на расстеленные одеяла, Уди придвинул длинную скамью и прилёг рядом, не раздеваясь.

Необъяснимым образом Шаогун почувствовал ту же близость и покой, что когда-то ощущал рядом с покойным возничим, дядей Ма. Он долго ворочался с боку на бок, а потом тихо позвал:

— Уди.

— М-м? — Уди перевернулся на бок, подперев голову рукой, и спокойно отозвался: — Молодому господину не спится?

Шаогун не знал, как подступить к теме:

—...В моей душе поселились суетные мысли.

Уди ответил:

— Да разве можно прожить жизнь без суеты? Не будьте к себе так строги.

— Я всё думаю... Как могут два человека, никогда прежде не видевших друг друга, сойтись лишь по воле родителей и слову свахи? Как могут они полюбить друг друга и стать супругами?

Уди не ожидал такого вопроса:

— Вы думаете о дочери главы союза Е?

Шаогун натянул одеяло до середины лица и молча кивнул.

Уди усмехнулся про себя: «А господин-то и впрямь простак. В такой темени, если бы не мой слух, как бы я понял, что он там кивает?»

Немного подумав, он заговорил с напускной серьёзностью:

— Раз вы никогда не встречались, откуда вам знать, что вы не поладите? Или... у вас уже есть кто-то на примете?

Шаогуна будто стрелой пронзило. Он с трудом выдавил:

— Это... в некотором роде... трудно сказать...

— О? И какой же девице так повезло? — Поняв, что господин влюбился и жаждет излить душу, Уди позволил себе лёгкую шутку.

Но Чжуан Шаогун не на шутку испугался.

— Вовсе нет! Между нами... это лишь в моей голове зародились тёмные, недостойные помыслы. Я решил оставить их, но не могу.

Уди подождал продолжения, но, не дождавшись, рассмеялся:

— Был бы здесь Усинь, он бы вмиг развеял ваши сомнения. А я человек грубый: если мне что по сердцу, я это силой возьму или хитростью, но из рук не выпущу. Знаете, когда-то мне приглянулась одна молодка, а она на полпути сбежала с другим. Я мог бы запугать её или вовсе убить, но не стал. Угадайте, почему?

Шаогун слушал, затаив дыхание:

— Это... благородный муж радуется чужому счастью. Видно, Уди, у тебя доброе сердце.

— Ха! Ошибаетесь. Я не стал её трогать лишь потому, что не так уж сильно она мне и нравилась. Леня было силы тратить!

—...Не понимаю.

Уди как-то по-особенному усмехнулся:

— Я к тому веду, что и вы свою «казнобу» не так уж сильно любите. Раз столкнулись с первой трудностью — и сразу в кусты, полны сомнений. В этом плане я искренне восхищаюсь старшим братом.

— Умином?

— Именно. Пусть он кажется лентяем, но если что вобьёт в голову — и десять волов не оттащат. Порой я диву даюсь: как земля носит человека, которого ничем не проймёшь? А потом думаю: люди ведь разные бывают. Только те, кто сделан из одного теста, могут по-настоящему любить друг друга. Родство душ — штука загадочная, но на деле всё просто: это когда вы одного поля ягоды. Встретите своего человека — и сами в огонь броситесь. Станете как одержимый, всё пойдёт само собой, и никаких «суетных мыслей» не останется.

Уди говорил просто и уверенно, а Шаогун слушал, колеблясь между верой и сомнением. Ему стало немного стыдно: забил голову стихами и книгами, а в жизни — полный неуч, даже в любви не смыслит. Видать, мало он ещё повидал. Как сказано в книгах: «Учёный муж черпает знания из учения, но корень его — в поступках». Наполнившись новыми мыслями и чувствуя странное расположение к Уди, он начал понемногу успокаиваться.

Однажды утром старый лодочник сидел на носу, обхватив колени. Вокруг него собрались молодые гребцы и, перебивая друг друга, о чём-то горячо спорили.

Увидев это, Чжуан Шаогун подошёл ближе:

— Друзья, что случилось?

Один из молодых гребцов нахмурился:

— Да дед наш совсем старый стал, еле ходит. Твердим ему — отдыхай, так нет, ни в какую не слушает!

— Врёшь! — Старик, чьё лицо покраснелось от возмущения, сердито топорщил бороду. — Я ещё крепче вас всех буду! Помню, когда император на юг изволил путешествовать, драконья лодка на мели в Янцзы застряла. Искали силачей в бурлаки — так я первым пошёл, всю ночь лямку тянул. Сам император мне тогда большой палец показал!

— Ну, дед, загнул! У императора стражи — не счесть, да и местных солдат бы согнали. С чего бы им тебя звать?

— Мал ты ещё, ничего не смыслишь! Что солдаты в воде понимают? Я в молодости на всём Великом канале гремел как «Маленький Белый Дракон, переворачивающий реки». Помню,

банда соляных контрабандистов...

Молодой гребец поспешно кашлянул:

— Деда, не носи чепухи при господине Чжуане.

Шаогун почувствовал симпатию к этой парочке и, не почуяв подвоха, присел рядом:

— Уважаемый, кровь в вас играет, и хватка ещё та — это видно. А что ходить трудно — так тому иная причина есть. Позвольте взглянуть?

— Вот сразу видно — учёный человек, понимает! — Старик победно зыркнул на внука и засучил штанину.

Шаогун внимательно осмотрел его ноги. Колени старика распухли и посинели, он не мог их полностью разогнуть.

— В трактате «Су вэнь» сказано: «Тугоподвижность суставов и костей происходит от сырости». Вы всю жизнь на воде, тянули лямку на мелководье... Должно быть, сырость проникла в самую плоть и кости.

Осмотрев и опросив старика, Шаогун вернулся в кормовую каюту, чтобы позвать Умина.

Тот, как обычно, проснулся лишь к полудню. Сейчас он лежал на койке — бледный, беззащитный и совершенно безобидный на вид.

Вглядевшись в лицо юноши, Шаогун отметил, что болезнь всё ещё терзает его: кожа бела, точно бумага. Понимая, что будить его бесполезно, Шаогун сам взял сумку Умина и принялся рыться среди склянок и игл. Он решил попробовать иглокалывание, чтобы облегчить страдания старого лодочника.

Вдруг под руку ему попала маленькая глиняная фигурка. Он поднял её: раскрашенный куколка-мальчик. Фигурка была щербатой и потёртой, но росчерк туши на ней казался свежим, будто его нанесли только вчера.

Шаогун невольно улыбнулся. Сколько бы Умин ни твердил, что не желает быть человеком, он всё же носил с собой эту детскую безделушку. Значит, в сердце его ещё жило детство.

На донце фигурки стояло клеймо лавки: «Баомо-чжай».

И рядом — надпись, сделанная нетвёрдой детской рукой: «Увидеть тушь — всё равно что

увидеть лицо. Цзян Сяофэн».

«Увидеть тушь — всё равно что увидеть лицо?» — Шаогун раздумывал над этими словами. Имя Цзян Сяофэн показалось ему смутно знакомым.

Внезапно чья-то рука протянулась сбоку и вырвала игрушку.

Вздвогнув, Шаогун обернулся и столкнулся взглядом с юношей, одетым лишь в нижнее платье. Они были так близко, что чувствовали дыхание друг друга.

—...

—...

Случилось небывалое: Умин покинул постель раньше полудня.

Шаогун, будто увидев призрака, отшатнулся, едва не опрокинув табурет.

Умин же, не меняясь в лице, убрал фигурку в сумку, подхватил её и небрежно бросил в изножье кровати. Казалось, он вовсе не заметил, что молодой господин Чжуан копался в его вещах, точно вор.

Шаогун поспешно оправдался:

— У старого лодочника разыгрался ревматизм, это может задержать нас в пути. Я хотел попробовать иглокальвание, чтобы хоть немного помочь.

Выслушав, Умин не спеша открыл сумку снова, достал футляр с иглами и протянул ему.

— Благодарю. — Шаогун кивнул, чувствуя ужасную неловкость, и потянулся за иглами, но Умин не выпускал их из рук.

Они замерли в нелепом противостоянии. Умин кашлянул и спросил с едва заметной иронией в голосе:

— Умеешь пользоваться?

Шаогун с облегчением вздохнул. Он поднял глаза и заглянул в самую глубину зрачков юноши — там было чисто и спокойно, ни следа надвигающейся бури. Сравнив свои познания в медицине с мастерством Умина, он понял, насколько они ничтожны, и смущённо покачал головой:

— Не слишком.

Умин промолчал и перевёл взгляд на таз для умывания. Шаогун сразу всё понял: Умин сам собирался лечить лодочника. Не теряя времени, он принёс воды, чтобы помочь юноше умыться. Пользуясь тем, что атмосфера смягчилась, он решился спросить:

— Цзян Сяофэн... кто это?

Движения Умина, надевающего халат, на мгновение замерли. Он покосился на Шаогуну и задумчиво произнёс:

— Я.

Шаогун просиял. Он и не чаял, что Умин когда-нибудь назовёт ему своё настоящее имя. Ему показалось, что «вода камень точит» и его старания не прошли даром — теперь они стали по-настоящему близки.

— Тогда впредь я буду звать тебя брат Цзян, хорошо?

—... — В выражении лица Умина промелькнуло нечто странное.

— Слишком официально? — Шаогун ловил малейшую перемену в его настроении и тут же исправился: — Тогда... Сяофэн?

— Глупо и пошло.

Но Шаогун не желал отступать:

— Тут я с тобой не соглашусь. В древних стихах поётся: «Где хмель мой развеет ночная прохлада? Ивовый берег, предрассветный ветер и тающий серп луны». Пусть образы печальны, но в них нет пошлости. К тому же, это имя дали тебе родители, как можно от него отречься?

Умин ответил со своей обычной холодностью:

— Я всего лишь оружие.

Не давая возможности возразить, он затянул пояс и мгновенно исчез за ширмой.